ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ РЕВОЛЮЦИИ

Всегда интересно узнать: какими были наши отцы и деды, вынесшие на своих плечах неимоверно тяжелый труд революционных преобразований. Их судьбы всегда будут служить примером во всех наших свершениях.

Из истории народ черпает знания и опыт, которые нынче особенно необходимы. Ведь наши дни — это тоже время поистине революционных преобразований во всех сферах жизни общества.

Сегодня очень нужны мужественные и компетентные люди.

Немало славных страниц и в истории Топкинского района — укрепление Советской власти нередко шло в непримиримой классовой борьбе. На стороне кулаков были темнота и невежество крестьян, непонимание ими своих истинных интересов, заключавшихся в коллективизации. Для просвещения крестьянства партия направляла в деревню избачей, грамотных и беззаветно преданных партии людей, бойцов революции.

В этот праздничный день предлагаем вниманию читателей простой и искренний рассказ крестьянки Виссы Оховой, жены и друга избача Ивана Матвеевича Охова. В его нелегкой борьбе она была до последнего дня рядом... А о том, как погиб избач, — документальный рассказ Владимира Есенина.

Я РОДИЛАСЬ и выросла в селе Подонино, жили мы в бедности, работали по найму. Нас было четыре сестры и один брат. В 1925 году в августе к нам в Подонино приехал Охов Иван Матвеевич. Все девчата от него были в восторге. Пошли слухи по селу, что приехал к нам избач: красивый, боевой и веселый.

Помню, был праздничный день, я шла в церковь, и вдруг неожиданная встреча. Иван Матвеевич шел в избу-читальню. Повстречав меня, он сказал, что, мол, не в церковь надо идти, девушка, а в избу-читальню. И по направлению карандашом показал правой рукой к избе-читальне. А в левой руке у него была книга, как сейчас помню. Я очень застеснялась его, но он успел мне крикнуть, вернее, пригласить меня в клуб.

В тот же вечер я пришла в клуб и там уже ближе познакомилась с Иваном Матвеевичем. Он мне очень понравился. Действительно, парень был очень красивый, жизнерадостный и симпатичный: с карими глазами, с темно-русыми волосами, волос был зачесан назад, лицо круглое, полное, рост его был выше среднего. Он мне понравился, но я не подала виду.

В этот вечер была постановка, в которой он участвовал, названия постановки не помню. После постановки Иван Матвеевич организовал всевозможные игры, танцы, сам играл на балалайке, декламировал. На вечер был приглашен паренек с гармошкой. Иван Матвеевич танцевал все время со мной. Спросил, как меня звать и все время называл меня Асей (Охову звали Виссой. Прим. ред.). Вдруг он объявил нам новую игру — в почту. Всех нас рассадил по скамьям, а сам сел за стол, который стоял на сцене. Стал наблюдать за нами: его очень интересовала наша грамотность, началась игра в почту. Мы с сестрами сели рядом и первым делом получили записочки от Ивана Матвеевича, на которые мы отвечать не умели. Зажав в кулак свои записочки, мы держали их, не разжимая кулака. Иван Матвеевич ждал, ждал ответа и решил подойти к нам. Подойдя, он спросил, почему мы не отвечаем на его записочки, почему не играем в почту? Я очень стушевалась и не сразу ответила. Иван Матвеевич несколько раз спросил меня, в чем дело, и каждому подходил и спрашивал: почему не играете в почту? Наконец, мы набрались смелости и ответили, что мы неграмотные. Он был очень удивлен: совсем-совсем вы никогда не учились? Мы ответили — да... никогда не учились.

После вечера Иван Матвеевич пошел меня проводжать. Идя мимо общественного амбара, мы решили посидеть на подамбарье. Через некоторое время к нам подошел наш деревенский парень, который за мной ухаживал. Он сдернул меня с подамбарья за руку и выкрикнул: «Еще какие-то избачи будут наших девок отбивать, приехал какой-то и будет наших девок завлекать!..».

На второй день Иван Матвеевич выпустил стенгазету с карикатурой — нарисовал себя, сидящего на подамбарье, меня, уже сдернутую за руку, и разъяренного паренька, я отвернулась от парня, а Иван Матвеевич смотрел на него. Мы все приходили и любовались этой карикатурой. После этого молодежь еще больше полюбила Ивана Матвеевича, кроме моего ухажера-поклонника, который мне не особенно нравился.

Прошел месяц после нашего знакомства, Иван Матвеевич сделал мне предложение, сказав, что если я буду его женой, то буду учиться столько, сколько захотят мои сил и возможностей, не буду жить в бедности, никто меня не будет эксплуатировать. Я не могла сразу решиться, чтобы дать положительный ответ. Меня мучила моя отсталость, темнота, я его сравнивала с собой и мне казалось, что он такой развитый, красиво одетый — не нам чета, может надсмеяться и бросить меня... Многие в то время на него смотрели, как на безбожника, не имеющего ни кола, ни двора. Кто меня встречал, мне все говорили, зачем я встречаюсь с безбожником - антихристом с чемоданчиком в руках.

Мои родители мечтали, чтобы я вышла замуж за нашего деревенского, жила бы вечно в Подонино, конечно, чтобы мой муж имел бы большое хозяйство, много скота, большую пашню и т. д.

Я стала часто посещать избу-читальню, клуб, где молодежи стало собираться много. Иван Матвеевич был хорошим массовиком - организатором: читал лекции на антирелигиозные темы. Кроме молодежи на лекциях присутствовало и старшее поколение, конечно, кроме кулаков. Иван Матвеевич часто читал нам газеты, книги, он вообще подбирал для нас интересную литературу для чтички. Организовывал кружки.

В начале зимы Иван Матвеевич организовал ликбез, чтобы ликвидировать безграмотность, куда привлек для преподавания местных учителей. Ходил по квартирам, уговаривал родителей, чтобы они разрешили молодежи ходить в вечернюю школу, чтобы ликвидировать неграмотность. Долго пришлось уговаривать наших родителей, чтобы они разрешили нам учиться, нас было четыре сестры. «Сколько бы могли напрясть пряжи», — говорила наша мама. При умелом убеждении Иван Матвеевича нам разрешили учиться, и я и мои сестры проучились зиму, научились немного читать и писать. По окончании учебного года нам дали премию за то, что мы ходили в школу — все мы получили ситцу на платье.

Жил и работал Иван Матвеевич у нас в Подонино около полутора лет. Пользовался авторитетом, особенно среди молодежи. Потом его отозвали в Щегловск (ныне г. Кемерово). Уезжая от нас, он сказал мне, что он мне не будет мешать жить, если я выйду замуж и меня будет бить муж, «обратись в райком партии, хотя и будет у тебя ребенок, все равно возьму тебя к себе в жены».

Когда Иван Матвеевич жил в Щегловске, он не терял со мной связи, частенько писал мне, но я не отвечала. В Щегловске он работал секретарем райкома. Потом его направили на работу в деревню Улус-Стрелино, что была в 12 километрах от Подонино, как умело организовавшего и проводившего культурно - воспитательную работу в селе Подонино. В то время был лозунг: «Культурно-просветительная работа на селе». А поэтому И. М. Охова послали в Улус-Стрелино в тот момент, когда бушевали кулацкие выпады, там была нужна была борьба. Тем более, что в Улус-Стрелино крупный кулак пролез в ряды Коммунистической партии, творил контрреволюционные дела, в последствии стал убийцей И. М. Охова, фамилия кулака — Пафнутий Чекулаев.

Как сейчас помню, был для меня прекрасный день, к нам в Подонино приехал агроном и вместе с ним навестил нас И. М. Охов. Мне хорошо запомнилось, что на нем были хромовые сапожки, хорошо начищенные, была военная форма. Он был одет хорошо, день был праздничный, вся молодежь была на лугу, и я была там же. Увидев меня, он сразу подошел и пригласил пройтись, я сразу согласилась. Мне было приятно, когда я снова встретила его. Когда мы прогуливались, он меня спросил: почему я не отвечаю на его письма, почему я его не люблю? Он говорил мне: «Чем я хуже ваших деревенских парней?». Я отвечала, что он лучше наших парней. «Так почему же не даешь согласия на наш брак?» — спросил Иван Матвеевич. Я ответила: «Помощу, что я не буду неграмотная деревенская девушка, а поэтому я вам не ровня». Он сказал мне: «Это все пустяки, сейчас настало время, все должны учиться — молодые и даже старые». «Все на борьбу за неграмотность» — у нас есть такой лозунг. Возможно, и ваших родителей пригласим учиться». Но я ему ответила, что с ними дело будет обстоять трудно. Наконец, я согласилась быть его женой. Но Ивану Матвеевичу сказала, что теперь вам нужно уговаривать родителей на мой брак с вами. Иван долго не стал откладывать. На второй же день приехал к нам просить моей руки у моих родителей. Иван Матвеевич был всесторонне развитым человеком, сумел уговорить моих родителей, убеждая их в том, что я буду учиться, не буду жить в бедности, не буду работать на кулаков. Привел в пример мою старшую сестру, которая была замужем в нашем селе Подонино, как над ней мужу издевался, как она обращалась к Ивану Матвеевичу и он во многом ей помогал, вызывал к себе ее мужа: убеждал, воспитывал.

Так что мое просватывание состоялось, в тот же день мы с Иваном Матвеевичем зарегистрировались. Это было 25 июля 1928 года, зарегистрировались мы в сельсовете. После этого поехали в Улус-Стрелино, куда был назначен Иван Матвеевич, к месту его работы. Квартиру мы сняли поблизости от избы-читальни и клуба у крестьянина В. Д. Колчанова.

Таким образом, снова Иван Матвеевич окунулся с головой в свою работу. Я также участвовала во многих кружках. Помню, я участвовала в постановке «Девятая пятница», тема этой постановки — антирелигиозная, у меня получилось хорошо, и мой муж был в восторге, считал, что его воспитание пошло впрок. Характер у Ивана Матвеевича был очень справедливый, настойчивый, мне очень не хотелось участвовать в такой постановке, но он настоял.

Помню, я была уже беременной, не могла ничего есть, он мне говорил: «Посидела ты не поешь есть, то и я не буду». Наконец, он от хозяйки квартиры узнал, что я хочу селедки, на второй же день он поехал в Щегловск и купил три селедки и отвела душу, поела с аппетитом.

Второй случай. Иван Матвеевич был на работе, я постирала белье и решила полоскать на реке. Сложила белье в корыто, поставила корыто на санки и повезла на речку. Видимо, корыто было очень тяжелое, и в тот же вечер я себя почувствовала очень плохо, Мой бедный Иван Матвеевич очень переживал, говорил мне — мол, зачем я так сделала, не сказала ему, он бы мне обязательно помог. Я ласковый подпевала. Меня послала партия, и я должен выполнить ее задание». Он давал кулакам такой ответ: «Если вы меня убьете, то на мое место встанут новые, нас много, а кулаки будут ликвидированы как класс».

Однажды Иван Матвеевич читал лекцию на антирелигиозную тему. Дело подходило к концу, вдруг прибегает молодой мужчина, начинает приглашать его на борьбу с волками, которые, якобы, пришли в деревню и нападают на скот. Не долго думая, Иван Матвеевич начал собираться на борьбу с волками, взял винтовку. Тут вбежал паренек, который только что вернулся из армии (Дмитрий Полдбин). Он сразу же предупредил, что, мол, там волки не на четырех, а на двух ногах. Оказалось, что в банях гнездилась кулацкая засада. Иван Матвеевичу поблагодарил Дмитрия за предупреждение и стал продолжать лекцию, я очень перепугалась, а он успокаивал. Когда мы пошли домой, я очень боялась, от страха дрожала, а мой муж меня все успокаивал, как мог. Нас провожала молодежь, муж взял балалайку, начал играть и петь частушки: «Моя милка маленька, куть небольше наленка...».

Был еще, например, такой случай. В январе был религиозный праздник — рождество. Мой муж вечером готовился к лекции дома, на столе горела керосиновая лампа, окна были не занавешаны, и вдруг около рам с улицы появилась толпа пьяных мужиков-кулаков с выкриками: «Выходи на улицу, безбожник, мы тебе покажем, как наших детей подбивать, безбожник, антихрист, наших детей под свою власть берешь, нашим детям голову забиваешь», они показывали рожи и т. д. Я просила мужа погасить лампу, но он ни в коем случае не хотел этого делать. Наша хозяйка квартиры не выдержала таких издевательств над Иваном Матвеевичем — заругалась на мужа. На этот раз они погрозили кулаками и ушли, а мой муж продолжал готовить лекцию.

В феврале 1929 года Иван Матвеевич организовал диспут на антирелигиозную тему, пригласил из Щегловска т. Коголовского. Коголовский и И. М. Охов выступали против четырех: архиерея, благочинного и двух попов. Они много привезли книг с собой для доказательств. А наши с одной научной книгой и глобусом сумели доказать свою правоту.

Я помню, как был доволен мой муж, что они сумели доказать свою правоту. Духовенство объявило народу, что оно еще недоучилось, чтобы доказать народу, оно признало свое бессилие. После диспута кулаки сильно бушевали, как шакалы, озлобились на избача.

В 1929 году 30 июля Ивану Матвеевичу дали отпуск, так как он учился заочно в Томском политехническом институте и поэтому должен был поехать сдавать экзамены, после сдачи которых его должны были направить на другую работу. Так мы совсем выехали из Улус-Стрелино. А поехали решили отдохнуть в селе Подонино, на моей родине. Отдохнули вместе с мужем десять дней в Подонино. Вдруг Ивана Матвеевича пригласили в сельсовет, на его имя поступил пакет, в котором срочно его вызывали в Щегловск, в райком партии. Не откладывая до утра, он сразу же с вечера решил пойти в Щегловск, я его просила не ходить, тем более, что наступила ночь. Он не обращал внимания на мою просьбу, все же поспешил, мотивируя тем, что рано утром он должен явиться в райком партии.

Вернулся Иван Матвеевич из Щегловска 13 июля поздно вечером, добирался на лодке до Подонино. Когда он вернулся, я стала спрашивать, зачем его вызывали. На мой вопрос он ответил так, что, мол, нам дали боевое задание — сделать опись имущества у кулака Чекудаева, проживающего в Улус-Стрелино, за то, что тот не сдал излишки хлеба государству, спрятал в ржаном поле семь мешков пшеницы. Я очень испугалась, знала, что на семье представляет Чекудаев и вообще все кулаки. Но Иван Матвеевич мне ответил: «Не бойся, родная, я иду на такое задание не один, нас шесть человек: член партии Новиков, комсомолец Забликов, член партии Лысенко и два члена сельсовета Улус-Стрелино Коваричи Иванов и Шариков. Товарищи мои поехали прямо через деревню Глубокое, а я забежал, чтобы с тобой повидаться и чтобы ты знала, где я буду находиться». На второй день мы встали, позавтракали, как сейчас помню, мама угощала блинами. Иван Матвеевич купил в Щегловске книжку, он мне ее читал, называлась она «О матери и ребенке». А когда он уходил к своим товарищам, он мне ласково сказал: «Ты, Асенька, проводи меня, моя родная». Взял меня под руку и мы потихоньку пошли. Дошли до речки, перебрели ее. Я сказала Ивану Матвеевичу, что дальше не пойду, а он мне ответил, что он меня пойдет провожать. И так мы друг друга провожали раз десять, и последний раз я его проводила в посоветовала ему: «Все же, Ваня, тебе надо идти, время позднее, солнышко садится, а еще дти 12 километров». Он, вроде, в шутку мне ответил: «Раз гонишь, что ж, пойду... А ты, Ася, жди меня завтра. Хотя и много работы, но я и поздно вечером все же приду». А сам понятился так очень неохотно, помню, я руках у него была газета, свернутая в трубочку в правой руке, он ею все мне помахивал, а потом на повороте в лесок он мне низко-низко поклонился, встряхнул годовой, поправив свою кравсивую прическу, и совсем скрылся из виду. Мне стало очень тяжело от предчувствий.

15 июля днем, мы с младшей сестренкой пошли в лес и там я заливалась горькими слезами, настала ночь, а мне все не спалось, ждала Ивана Матвеевича, а сердце мое рвалось на части. Пролежав всю ночь в постели без сна, утром я встала рано вся в слезах. Мама мне посоветовала поехать с отцом и сестренкой на покос, чтобы немного успокоиться, я согласилась, наш отец поехал в объезд горы, а мы с сестренкой пошли напрямик через гору, где мы прощались с мужем. И только вышли на дорогу, смотрим, по направлению к нам едет мужчина на гнедой лошади, запряженной в телегу. Увидев нас, он повернул в нашу сторону, остановился и сказал: «Тебя увидел и мне больше некуда ехать. Я тебе весточку привез». Я сразу поняла, какую весточку и спросила: «Ваню убили?». Он сказал: «Да, убили враги». И сам заплакал навзрыд. А я упала к его ногам в обморочном состоянии. Я была беременна, и тут такой удар на мою голову. Я не помню, как я оказалась на телеге, меня привезли в Подонино к фельдшеру-ци тот мне помог прийти в себя. И вместе с ними фельдшер поехал в Улус-Стрелино на место убийства Ивана Матвеевича. Когда дорога пошла под уклон, стало видно две деревни. И в одной из них было видно, как на демонстрацию, сооралось много народу. когда подъехали, я настояла, чтобы мне дали взглянуть на моего мужа. Он лежал на площади и был закрыт простыней, вокруг была конная милиция.

Товарищи хотели похоронить его в химзаводском саду в Щегловске, но я настояла на том, чтобы это сделали там, где он работал и там, где моя родина, где он боролся с кулаками — в селе Подонино.

18 июля 1929 года товарищи несли на руках гроб с телом моего мужа 12 километров до села Подонино. На похоронах было очень много народу, съехавшегося из ближайших деревень, у многих были слезы на глазах. Был митинг, выступали с соболезнованиями, было много представителей из Щегловска. Был дан салют из нескольких залпов. Через неделю на могиле соорудили памятник и сделали оградку.

Живя в селе Подонино у своих родителей, я все время боялась, тем более, что на суде кулаки-убийцы, когда их уводили, кричали: «Отомстите за нас, добивайте остальных». А кулаков, их сторонников, было еще много. Жены их меня часто встречали и с ехидством говорили: «Ну что, научилась с коммунистом-безбожником?».

Помню такой случай. Моя младшая сестра ходила в вечернюю школу, дело было в декабре, и решила с ней пойти. Когда мы возвращались, было уже темно, мела снежная метель, моя сестренка шла впереди меня, когда я подходила к воротам, то удивилась, почему больше ворота открыты настежь. Подошла поближе к самым воротам, тут на меня неожиданно набросился мужчина и стал меня душить за горло, но я успела крикнуть, своей сестренке было моих сил и упала в снег. Моя сестренка услышала и бросилась мне на помощь, стала кричать громко, звать маму. Тогда мужчина меня оставил, а сестренка так крепко вцепилась в него сзади, обхватила руками, что он ее пинает, а она все тащится, наконец, отцепилась. И в это время на крик выбежала мама, нашла себя одеялом, бежала мне навстречу. Когда я ее увидела, то вообразила, что это засада на меня и, не помня себя, упала в обморочном состоянии. Такой удар отразился на моем ребенке, который родился очень худеньким и мало жил.

Суеверные люди, особенно старушки, долго пугали меня и других, что они видят, как в полночь к нашему дому летает нечистая сила в виде огненного змея и рассыпается в искры над нашим домом. Я не вытерпела всяких гонений, наменков, упреков, не могла больше оставаться в селе Подонино, переехала в Щегловск.

В. ОХОВА.